

Г.С. Чернова

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ «РЕНЕССАНСНОЙ» КРИТИКИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

В истории русской культуры конец XIX – начало XX в. был особым периодом. Н.А. Бердяев назвал его «ренессансом духовной культуры, ренессансом философским и литературно-эстетическим». Он начался в переоценке значения этических и эстетических принципов, которые создавали вожди демократической интеллигенции второй половины XIX в. Мыслящих людей перестали удовлетворять материалистические ответы на «вечные вопросы».

Ренессанс в литературной критике озаменовали «Три речи в память Достоевского» (1881 – 1883) Вл.С. Соловьева. Он убедительно доказывал, что искусство должно освободиться от социального утилитаризма и призывать литературу вернуться к духовным ценностям, утверждение которых является ее (литературы) главным назначением. Теоретической базой нового искусства, о котором писал и говорил Соловьев, были его идеи о всеединстве, о путях человечества к богочеловечеству и Царству Божьему, а также его учение о Софии, Премудрости Божьей, являющейся началом начал в тварном мире, космосе и

человеческой жизни. Соловьев призывал критику осмысливать сущность искусства и назначение творческой личности с точки зрения христианского идеала. Он был противником материалистической эстетики: «изображать не значит преображать, и обличение еще не есть исправление». Без религии, без духовных ценностей искусство не в силах «повернуть и пересоздать действительность», – подчеркивал Соловьев. Его философско-религиозные оценки Ф.М. Достоевского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А. Фета, Ф.И. Тютчева расшатывали казавшиеся незыблемыми позиции утилитарно-социологической критики с ее установками на общественный идеал.

Наиболее значимыми в ренессансной критике были символистское и философско-религиозное течения. В качестве теоретической базы их представители использовали учение Соловьева о Софии. Однако между символистами и религиозными философами была принципиальная разница. Символисты ослабили духовный смысл, который вкладывал Соловьев в свое понимание искусства. «Мистическое, но не христианское миропонимание не может быть достаточным условием поэзии», – писал он. «Юными спортсменами» называл Соловьев авторов сборников стихов «Русские символисты» В. Брюсова, А. Бронина, М. Миропольского.

Однако символисты считали недопустимым насаждение социального течения в реализме, господство которого привело, по их убеждению, к упадку литературы. Вяч. Иванов, Д. Мережковский, М. Волошин, А. Блок, А. Белый главный недостаток «реальной» критики усматривали в том, что она сводила содержание произведения к теме и сюжету. «Истинное содержание художественного изображения всегда шире его предмета, ибо искусство всегда символично, для ума необъятно, божественно», – подчеркивал Вяч. Иванов.

Критики-символисты абсолютизировали в художественных произведениях значение «вечного», что позволяет говорить о продолжении ими традиций эстетической критики. С романтиками их сближало убеждение, что предметом изображения в литературе должны быть субъективные переживания художника и апология его творческой свободы, не связанной никакими нормами и пред-
рассудками.

Особый интерес вызывает философско-религиозное течение в ренессансной критике начала XX в. Вслед за Соловьевым ее представители сосредоточили внимание на проблеме, которую они считали важнейшей в искусстве – «Бог и человек».

Недопустимым, на наш взгляд, является отождествление религиозных философов с символистами. «Объединения» Н.А. Бердяева и С.Н. Булгакова с Вяч. Ивановым, Д. Мережковским и З. Гиппиус, о котором писал В.И. Кулешов (История русской критики XVIII – начала XX веков. – М., 1991), быть не могло, поскольку философско-эстетические концепции религиозных мыслителей коренным образом расходились с представлениями об искусстве теоретиков и практиков символизма.

В идеях и образах литературных произведений С. Булгаков, Н. Бердяев, Е. Трубецкой, П. Флоренский, Л. Карсавин и др. всегда искали аргумент в пользу религиозной философии, доказывающей непреложность и вечность христианского идеала. Назначение творческой личности они усматривали в подвижническом служении Высшей Истине, Добру и Красоте. Критики-философы были противниками чисто формальных экспериментов в искусстве, но в то же время они всегда подчеркивали значение художественной формы, утверждая ее взаимообуславливающую связь с содержанием. В своих суждениях об искусстве они отстаивали высокие и вечные общечеловеческие истины, поднимая тем самым критику к вершинам философской и эстетической мысли, которых достигла русская классическая литература.